УДК 821.161.1 + 82.0

Баженов А. М[1]

РОССИЯ В 60-е ГОДЫ XIX ВЕКА (В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВАСИЛИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА СЛЕПЦОВА)

Bazhenov A.M.

Russia in the 60s of the XIX century (in the works of Vasily Sleptsov)

Аннотация. В статье анализируется творчество русского писателя В.А. Слепцова. Отмечается, что автор в своих произведениях рассматривает такие актуальные проблемы, как отмена крепостного права в России, положение крестьян, которых обязывали выкупать наделы земли у помещиков. Показывается, что В.А. Слепцов художественными средствами сумел раскрыть всю сложность общественно-политической и экономической жизни российского общества в 60-е годы XIX века. Обращается внимание, что писателю с помощью своих героев произведений удалось передать напряженность в обществе и потребность у передовых людей в политических и социальных преобразованиях в России.

Ключевые слова: общество; крестьянство; рабочие, фабрика; собственник; постоялый двор; помещик; чиновник; священник; наказание; реформа.

Abstract. The article analyzes the work of the Russian writer V. A. Sleptsov. It is noted that the author in his works considers such topical issues as the abolition of serfdom in Russia, the situation of peasants who were obliged to buy land plots from landlords. It is shown that V. A. Sleptsov was able to reveal the complexity of the socio-political and economic life of Russian society in the 60s of the XIX century by artistic means. Attention is drawn to the fact that the writer, with the help of his characters, managed to convey the tension in society and the need for advanced people in political and social transformations in Russia.

Keywords: society; peasantry; workers, factory; owner; stationary yard; landowner; official; priest; punishment; reform.

Василий Алексеевич Слепцов (1836 – 1878) входит в число замечательных русских писателей второй половины XIX века. Он был человеком разносторонней одаренности – писателем, актером, режиссером. Писатель по происхождению был дворянин, но перешел на

[1] Баженов Анатолий Матвеевич, канд. ист. наук.

сторону демократов-разночинцев. Он в молодости увлекался идеями Н.Г. Чернышевского (1828 – 1889) и в 1862 году организовал Знаменскую коммуну, где пытался доказать осуществимость социалистических идеалов. Эти идеалы найдут отражение в работе швейной мастерской, которую организует Вера Павловна Лопухова, героиня романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?».

Из-за своей общественной активности В.А. Слепцов оказался под наблюдением III Отделения[2]. В апреле 1866 года писатель был арестован и помещен на несколько месяцев в тюрьму: его подозревали в связи с террористом Дмитрием Каракозовым, который покушался на императора Александра II 4 (16) апреля 1866 года.

Личность и судьба В.А. Слепцова воплотили в себе черты передового человека 1860 – 1870 годов. В.А. Слепцов начал свой творческий путь с написания произведения о путешествии в жанре очерка. Историки русской литературы отмечают, что путешествия описывали многие авторы. Об этом писали Афанасий Никитин (1-я пол. XV века – 1475) «Хожение за три моря», Николай Михайлович Карамзин (1766 – 1826) «Письма русского путешественника», Иван Александрович Гончаров (1812 – 1891) «Фрегат «Паллада», Антон Павлович Чехов (1860 – 1904) «Остров Сахалин».

В.А. Слепцов в очерке «Владимирка и Клязьма» представляет итог своего пешеходного странствия по Московской и Владимирской губерниям осенью 1860 года. Всем читателям знакома дорога, которая снискала печальную известность: по ней проходили в Сибирь и другие отдаленные места партии арестантов, тянулись переселенцы, разоренные крестьяне в поисках «лучшей жизни», в поисках работы на фабриках, на строящейся железной дороге.

Вначале В.А. Слепцов добирается до села Ивановского, где намеревался собрать сведения о фабриках и быте рабочих. В то время на территории Московской и Владимирской губерний работали бумагопрядильные и бумаготкацкие фабрики. Автор пытался докопаться до сути производственной деятельности на этих фабриках, в частности узнать каким капиталом обладает собственник, какова экономическая выгода у предприятия. Для этой цели В.А. Слепцов стремится получить информацию из первых рук, просит разрешения для встречи с собственником или управляющим фабрикой. Но везде его просьбу воспринимают с настороженностью, с опаской. Так отнеслись к автору на фабриках купцов Мазурина и Кузнецова. Намереваясь «выведать» сведения о состоянии фабричного производства и положения рабочих у самих фабрикантов, путешественник приходит к

[2] III отделение – высший орган политической полиции Российской империи в правление Николая I и Александра II с 1826 по 1880 годы.

мысли, что это было с его стороны наивно. Далее В.А. Слепцов меняет свою программу.

Тем не менее, ему удается попасть на бумагопрядильную и бумаготкацкую фабрику, которая принадлежала наследникам действительного статского советника Волкова и находилась под администрацией; управлял ею английский механик Сольтер. Фабрика была основана в 1830 году. Писатель замечает: «До 1844 года, в видах поощрения отечественного производства, ввоз машин в Россию был воспрещен, а потому фабриканты должны были довольствоваться или машинами, которые делались на русских заводах, или выписывать из-за границы механиков и делать машины дома, что обходилось, разумеется, неимоверно дорого. Г-н Волков, основатель фабрики, о которой я говорю, поступил именно таким образом, то есть с помощью механика, англичанина Сольтера, завел у себя в имении чугунолитейный завод и принялся отливать ткацкие станы, прядильные, чесальные и прочие аппараты. Но для этого требовались модели, нужны были машинисты, слесаря и множество других ремесленников. Все эти затруднения преодолелись, но поглотили страшные суммы, требовали много сил и времени. Модели получались тогда контрабандою из-за границы и обошлись тоже не дешево» (Слепцов, с. 45-46). Как тут не вспомнить о политике импортозамещения, которая проводится в современной России.

Общение с народом на постоялых дворах, на дороге, в трактирах, в рабочих бараках, в крестьянских избах обогащает путешественника. В селе Леонове В.А. Слепцов идет в трактир, где становится свидетелем народного гулянья. Вот как он описывает это мероприятие: «В эту самую минуту послышались громогласные и радостные восклицания фабричных, сидевших за столом; в дверях показался молодой малый, лет двадцати, в красной рубашке, накинутой на одно плечо, и в новых сапогах. Он был навеселе и погромыхивал на гармонии.

- Вот он – я-то!.. – закричал он, бойко выступая на средину комнаты.

- А-а! а! Митюшка! Митрей! – завидя его, кричали ему весело фабричные.

Вся компания оживилась; около пришедшего мгновенно составился кружок, бог знает откуда взялась балалайка, и пошла пляска. Даже остальные, сидевшие за столиками и занятые разговором, понемногу начали примыкать к толпе, образовавшейся вокруг плясуна. Проезжие мужики были тут в числе первых, даже рядчики поднялись с места… кружок становился все гуще и теснее; только старый лакей остался в гордом величии и, закинув одну ногу на другую, презрительно смотрел через плечо на мужицкую пляску и лукаво подмигивал солдату, который тоже не пошел было в кружок и относился к пляске тоже несколько свысока, но чем жарче разгоралась она, тем лицо солдата становилось беспокойнее; он завертелся на стуле и начал даже отворачиваться от лакея, стараясь

избежать его насмешливых взглядов. А там, в кружке, между тем уже сыпалась мелкая, звенящая дробь балалайки, усиленно, как будто боясь не поспеть, надсаживалась гармония и гремело то страшно возбуждающее топотание с прищелкиванием, вскрикиванием и каким-то особенным, захлебывающимся разгулом, перед которым никто устоять не может. И солдат не устоял… отчаянно махнув рукой, в одно мгновение сбросил он шинель и, оставшись в ситцевом нагруднике и синих шароварах, - бросился в кружок» (Слепцов, с. 67).

Исследователи русской литературы еще в XIX веке обратили внимание на особенности создания произведения писателем. В. А. Слепцов обновляет жанр путевого очерка; он не предваряет свой рассказ о путешествии предисловием о замысле, о подготовке, цели своего пешеходного странствования; он не сообщает никаких сведений о себе, образе своей жизни, характере, мыслях, настроениях. Предполагается, что читатель должен сам многое понять.

В.А. Слепцов добирается до небольшой деревни Городищи на Клязьме, Владимирской губернии, Покровского уезда. Недалеко от деревни проходит Московско-Нижегородская железная дорога, а через Клязьму строится мост. Пока поезда ходят по временному, деревянному мосту. Дорога строилась в течение нескольких лет: с мая 1857 года по 1862 год. Мост строился французскими инженерами и рабочими, которые были привезены в Россию. Материал доставлялся с парижских чугунолитейных заводов, а рельсы привозили из Англии. Все приготовительные работы отданы с торгов товариществу русских купцов Бусурина и Бухтеева.

Писатель воссоздает две картины, связанные с работой французских и русских рабочих. «На другое утро пошел я взглянуть работы, - отмечает он. - Еще издали виднелись на мосту высокие, какой-то особенной конструкции, леса, обделанные и обтесанные будто напоказ, скрепленные винтами и множеством гаек; на самом верху, перекинувшись через балку, висел на воздухе человек в синей куртке, с лицом, запрятанным в кашне; внизу по мосту и во всю ширину реки синели блузы и куртки вперемешку с дублеными полушубками; и вверху и внизу слышалась бойкая французская речь, слышались и русские бонмо; под самыми сваями кто-то пел во все горло:

Je pars, adieu, Marie![3]

Народ попался все крупный, такой основательный, надежный, и все с такими густыми черными бородами, в теплых мерлушковых шапках и дубленых рукавицах. Прошел

[3] Я уезжаю, прощай, Мари! (франц.)

какой-то начальник в енотовой шубе – никто и ухом не повел, никому до него и дела нет – всякий занят своим: таскают ящики с чугуном, только что привезенные из Москвы, прилаживают гайки, и все это так просто, свободно, без криков и понуканий, покуривая сигарку и распевая песенки о своей belle France[4] (Слепцов, с. 82 – 83).

Совсем другая предстает картина, где описывается труд русских рабочих при сооружении железнодорожного моста через реку Клязьму. Автор очерка замечает: «Человек десять ковырялись во льду и таскали из воды обмерзлые бревна. И так-то вяло, как будто нехотя. Поковыряют, поковыряют да почешутся; или примутся зевать и до сих пор зевают, и потягиваются, пока не увидит их десятник и не примется кричать:

- Эй вы! шмони вы эдакие! право, шмони! Ну, что стали? Эх, палки на вас нет.

На берегу лежало бревно, а под ним теплился огонек. К этому бревну то и дело подбегали оборванные, ощипанные люди наскоро погреть руки и пожарить на огне свои худые лаптишки. Я подошел к бревну: вокруг него на корточках сидело несколько человек. И что это за народ! Откуда только набрали их? И каких, каких тут нет?! И отставные солдаты, дряхлые и недужные, в рыжих шинельках; какие-то старые, отжившие свой век, дворовые в валенках на босу ногу; и еще какие-то в сюртучках; у одного даже гвоздь пришит к сюртуку вместо пуговицы; тут же и обдерганный с жиденькой бородкой, в худом армячишке бобыль-мужичонка и мальчик лет 14, бледный, тощий с голыми коленками и судорожным кашлем. Все они как-то пугливо посматривал в ту сторону, где виднелся десятник, затягивались трубочкой и, покоптив себе руки, бежали прочь, опять на копер, где безустанно подымалась и опускалась тяжелая *баба,* вколачивая сваи в мерзлую землю» (Слепцов, с. 84). К сожалению, наша повседневность часто напоминает о таких явлениях.

В.А. Слепцов в очерке «Владимирка и Клязьма» пытается разобраться в таком феномене, как мошенничество при расчете рабочих за проделанную работу при строительстве железной дороги на линии Москва – Нижний Новгород. Он отмечает, что ему на дороге попадались возвращающиеся домой рабочие – одни с расчетом, другие без расчета. «Я долго не мог понять, отчего бы это рабочим могло быть плохо, тогда как главное общество отпускает на жалование и содержание рабочих громадные суммы; наконец после бесчисленных справок и расспросов дело разъяснилось». (Слепцов, с. 125).

Далее писатель проводит обстоятельное исследование существующей хитроумной системы подрядов. Он приходит к выводу: «Нужна только любознательность и немного терпения, чтобы следствия подрядной системы предстали перед глазами наблюдателя во

[4] прекрасной Франции (франц.).

всей своеобразной красоте своей главному обществу. Достаточно было допустить подрядную систему, чтобы тут же явились кляузы, взятки, воровство, одним словом - все аксессуары, без которых подряд существовать не может. За ними следуют монополии, насилие, возмущения и усмирения как неизбежные следствия. Да иначе оно и быть не могло: каждый, замешанный в подрядное дело, только и думает о том, как бы нажиться, только и ищет и выжидает поживы, хотя бы даже эта пожива клонилась ко вреду всего дела. Честного вознаграждения за труд здесь быть не может потому уже, что самое основание этого труда не чисто (Слепцов, с. 131). Мы удивляемся размаху коррупции в современной России. Корни этого явления в нашем обществе, видимо, находятся в XIX веке.

Второй цикл очерков В.А. Слепцов назвал «Письма об Осташкове», который был опубликован в журнале «Современник» в 1862 – 1863 годах. Всего писем девять. Предварительно автор совершил путешествие в город Осташков Тверской губернии. Писателю приходилось много читать и слышать о благополучии и устройстве этого провинциального города. Он поставил перед собой вопросы: «Что такое Осташков?», «Какова экономическая, общественная, духовная жизнь осташковцев?».

После первого дня пребывания и наблюдения жизни в городе В.А. Слепцов решил сделать предварительные выводы. Он отмечает: «Попробую я теперь дать себе отчет в том, что я видел сегодня. А знаете, что меня всего более поразило в наружности города? Как вы думаете? Бедность… Но вы не знаете, какая это бедность. Это вовсе не та грязная, нищенская, свинская бедность, которой большею частию отличаются наши уездные города, - бедность, наводящая на вас тоску и уныние и отзывающаяся черным хлебом и тараканами; эта бедность какая-то особенная, подрумяненная бедность, похожая на нищего в новом жилете и напоминающая вам отлично вычищенный сапог с дырой. На первый взгляд вас приятно поразит и мостовая, и бульвар, и эти громкие вывески: *общественный банк, общественная библиотека, публичные сады, благотворительные заведения* и т.д.; даже и на этих ершей, на это обилие ершей, на все эти декорации вы смотрите снисходительно, добродушно улыбаясь, потому что все это пахнет чем-то таким новым, свежим, благоустроенным. Стриженые березки, капканы, решетки, просьбы цветов не рвать, собак не водить – все это вам давно знакомо; вам даже почему-то приятно встретить в захолустье, в Осташкове, этих старых чудаков, как иногда приятно бывает встретить какую-нибудь глупую няньку, которая вас бивала в детстве. Но все эти приятные ощущения быстро сменяются тяжелым раздумьем, как только вы свернете в одну из второстепенных улиц» (Слепцов, с. 154 – 155).

Хозяином города Осташкова является купец Федор Кондратьевич Савин. Некоторые

жители города считают его благодетелем. Автор очерка выясняет, что у этого явления имеются две стороны. Один житель города посвящает путешественника в тонкости дела. «Начал благодетельствовать городу Кондратий Савин, и по его смерти стал благодетельствовать по наследству сын его Степан, а по смерти и сего последнего вступил на место его второй сын, Федор.

Заведен у нас такой порядок: граждан, которые не в состоянии уплатить долга банку, отдавать в заработки фабрикантам и заводчикам. Оно бы и ничего, пожалуй, не слишком еще бесчеловечно, да дело-то в том, что попавший в заработки должник большею частию так там и остается в неоплатном долгу вечным работником. Уже как это устроивается, бог их знает. Известно только, что при всеобщей бедности предложение труда превышает запрос; вследствие этого, конечно, пата упадает и ценность труда зависит от фабриканта» (Слепцов, с. 246).

Произведение «Письма об Осташкове» создавалось в период осуществления Крестьянской реформы 1861 года. Как известно, крестьяне получали свободу, но землю должны были выкупать у помещиков. В.А. Слепцов становится свидетелем, как на постоялом дворе помещик пытался убедить своих крестьян выкупить участки земли. «После чаю ушел я домой, то есть на постоялый двор. Только что успел отворить дверь, слышу, - опять за стеной та же история, как и утром, и опять те же вопли; мужики по-прежнему ничего не понимают, помещик по-прежнему орет: «Ах, губители! Уморили…а? Ах, губители!..»

За стеной происходит так называемое *добровольное соглашение.* Помещик старался, как слышно, во что бы то ни стало растолковать мужикам необходимость выкупа и для этого решился прибегнуть даже к наглядному способу, каким учат детей арифметике» (Слепцов, с. 197).

В завершение своего цикла писем В.А. Слепцов приходит к выводу о том, что в городе Осташкове, как и во всей России, существует огромный материальный разрыв между разными социальными группами общества.

В.А. Слепцов является автором небольшого рассказа «Питомка»[5]. Простая женщина по имени Анисья идет по сельской дороге в поисках своей дочери, отданной либо в воспитательный дом, либо в крестьянскую семью. Внимание автора сосредоточено на образе самой матери. Она находится в зависимости от окружающих людей, которые проявляют к ней и ее проблеме равнодушие. Речь идет о писарях, старшинах, к которым она

[5] Питомка – питомица, воспитанница.

обращалась в поисках места нахождения своей маленькой дочери. Драматизм ситуации усиливается печальным колоритом деревенского пейзажа. Случайный мужик на подводе довез Анисью до деревни Борки. Местные крестьяне пытаются проявить участие в поисках дочери Анисье, но оказалось все напрасно. Ей остается только отправляться назад.

Другим рассказом В.А. Слепцова является «Ночлег», у которого имеется подзаголовок «Подгородные сцены» Действие происходит на постоялом дворе на окраине города, где останавливаются на ночлег проезжие мужики. Между постояльцами завязывается разговор о самых насущных, повседневных заботах. В центре внимания постояльцев оказывается крестьянин сельца Большая Елань Анкидин (Киндей) Тимофеев. Ходил в город выправлять бумагу. У него умерла жена, он воспитывает восемь детей. После отмены крепостного права в деревне крестьян стали подвергать штрафам за разные нарушения прав собственника. Киндей рассказывает о событии, который произошел с ним. «Да вот какое дело, Летошний год тоже не плошь этого гуртовщика гнал я скотину и тоже по барской земле; ну и недоглядел… Сейчас сторож выскочил, коров загнали, а меня судить. Судили, судили и присудили, братцы мои, чтобы то есть разойтись полюбовно: мир там колько-то денег приплатил, а пастуха наказать, чтобы вперед глядел. Вот сейчас повестили: явиться пастуху в расправу. Пошел я. Шел, шел, а волость-то верст пятьдесят от нашей деревни. Иду я дорогой и думаю: «Эх, мол, насидятся у меня робятенки без хлеба. Поскорей бы мне дойти». Все это у меня в уме, да все про скотину думается; не управится без меня мальчонка, ни за что не управится. Где ему? – глуп. Пришел. Сейчас к писарю: так и так, вот, говорю, я пришел. Писарь, ладно, говорит, подожди. Ну, переночевал ночь; наутре чуть зорька занялась, я вскочил; ну, думаю, только бы меня, дай господи, поскорей отжучили, сейчас бы я марш – домой. Ждал, ждал, целый день на крылечке посидел, все ждал; не пущают – и шабаш. Чуть увижу: мужики из-за угла выходят – ну, думаю, слава тебе господи, сейчас меня драть. Гляжу, нет мимо прошли. Старшина с писарем стоят, шепчутся; ну, вот, думаю, это про меня. Вот сейчас гаишник расстегнул… глядь, в кабак пошли. Ах ты боже мой! Что ты станешь делать? Измучили. И еще день прошел. Я не пью, не ем, жду не дождусь: скоро ли, мол, это меня отпустят. Пойду, пойду к писарю: батюшка, отец родной, вели ты меня наказать! Подожди, говорит. Вот те и сказ. А меня пуще всего скотина-то сокрушала. Где Трушке управиться одному. Да и сидел бы я, сидел теперь, думаю себе, лапотишки ковырял. А тут скука-то меня очень уж одолела. Ведь как думаешь, братец мой, трои сутки живу, не пущают. На четвертый день сижу у ворот, идет знакомый мужик: что ты, говорит? Так и так, говорю, вот какое горе. «Э, дурак, говорит, целковый денег есть?» - «есть, говорю, есть» - «Поди дай, сейчас отпустят». Ведь и точно, братец мой, сейчас же,

слова не сказал, разложили и отодрали» (Слепцов, с. 276 – 277).

В 1865 году в журнале «Современник» была опубликована повесть В.А. Слепцова «Трудное время». Название повести носит символическое значение. Речь идет о сложном периоде российского общества. Правда, в повести называются и события международной жизни. Речь идет о Гражданской войне в США (1861-1865), о подавлении восстания в Польше (1863-1864). В определенном контексте приводятся имена государственных деятелей Франции и Германии: Наполеона III (1808 – 1873) и Бисмарка (1815 – 1898); называются такие военные начальники американских армий, как Роберт Эдвард Ли (1807 – 1870), генерал, главнокомандующий армией южан; Улисс Грант (1822 – 1885), генерал, полководец северян; 18-й президент США в 1869 – 1877 годы; Джордж Гордон Мид (1815 – 1872), генерал, командующий Потомакской армией во время Гражданской войны в США; упоминается рабовладельческий штат Мэриленд, где шли военные действия. Кроме того, приводятся польские названия: ржонда (революционное польское правительство); гмина (польская крестьянская община); войт, солтыс (староста общины).

Конечно, повесть посвящается внутренней жизни России. Все события в произведении укладываются в три месяца. Главный герой - политик, писатель Яков Васильевич Рязанов – приезжает из Петербурга в имение в гости к своему другу – помещику Александру Васильевичу Щетинину и его жене Марье Николаевне. Щетинин и Рязанов учились вместе в университете. О прошлой жизни Рязанова автор почти ничего не рассказывает, можно только догадываться по отдельным репликам самого героя. Сам герой называет себя «попов сын». Некоторые критики сравнивали Рязанова с Рахметовым, героем романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Рязанов имеет внешний вид усталого, нездорового человека. По всей вероятности, он подвергался репрессиям и находился в заключении.

Рязанов в разговорах с хозяином часто спорил по вопросам общественной жизни в России. В деревне он ко всему присматривался и брал факты во внимание. Автор повести отмечает: «Прошла еще неделя. Ни в занятиях, ни образе жизни Щетининых не произошло никакой существенной перемены. Рязанова в доме и не слышно было: он с утра уходил куда-нибудь в поле, или взбирался на гористый берег реки и с книгою просиживал под деревом до обеда; или уезжал с дьячковым сыном на острова и, сидя в камыше по целым часам, смотрел, как он ловит рыбу; иногда заходил в лавочку. После обеда туда обыкновенно многие заходили посидеть: волостной писарь, из дворовых кто-нибудь, а то, случится, иной раз заедет кто-нибудь по дороге и забежит трубочки закурить, рюмочку выпить. Вот сойдутся человека три – и в карты. Сидит Рязанов в лавочке на пороге и

смотрит на улицу. Жара смертная; на двери балык висит, а жир из него так и течет, мухи его всего облепили; в лавочке брань идет из-за карт…» (Слепцов, с. 318).

Рязанов постоянно расширяет круг своих наблюдений. Щетинин предлагает своему гостю поехать с ним в город на мировой съезд. На съезде предполагалось обсуждение вопросов, связанных с проведением в жизнь реформ 60-х годов XIX века. Но на самом деле все свелось к застолью и распитию алкогольных напитков. Мировой посредник приглашает Рязанова прокатиться с ним по участку. Посредник проверяет наличие недоимок у крестьян. Поездка заканчивается дикой сценой: Рязанов становится свидетелем избиения посредником мужика. Марья Николаевна внимательно слушает все разговоры Рязанова с мужем и начинает критически воспринимать деятельность мужа и свою жизнь в деревне. Под влиянием Рязанова Марья Николаевна по-другому стала воспринимать окружающий мир. Какое-то время Марья Николаевна мало общалась с Рязановым. Она приглашает гостя пройтись с ней по деревне.

Жизнь крестьян в деревне описывается так: «Миновав несколько дворов, она остановилась и начала присматриваться к одной избе. Изба была ветхая, с одним окном, подперта с двух сторон подпорками…Тут же перед избою стоял мальчик лет четырех и держал длинную хворостину в руках.

Марья Николаевна подошла к мальчику и погладила его по головке; мальчик не трогался с места и не шевелился.

- Где твоя мать? – спросила Марья Николаевна.

Он ничего не ответил и даже не поглядел на нее, только поднял плечи кверху и стал языком доставать свою щеку; бросил хворостину и ушел в избу. Марья Николаевна заглянула в ворота: на дворе валялся всякий хлам, на опрокинутой сохе сидела курица.

- Мамка к тетки Матлени побигла, - вдруг крикнул тот же мальчик из окна.

Марья Николаевна подошла к окну; но в избе было темно, и со свету ничего нельзя было разглядеть; только пахло холодною гарью и слышно было, что где-то там плачет еще ребенок. Марья Николаевна начала всматриваться и понемногу разглядела черные стены, зипун на лавке, пустой горшок и зыбку, висящую середь избы; в зыбке сидел ребенок, весь облепленный мухами. Он перестал кричать и с удивлением смотрел на Марью Николаевну; мальчик, которого она видела у ворот, дергал зыбку и приговаривал:

- Чу! Мамка скола плидет. Чу!

- Это брат твой, что ли? – спросила Марья Николаевна.

- Это Васька, - ответил мальчик.

Мальчик, сидевший в зыбке, ухватился руками за ее края и покачивался из стороны в

сторону, вытаращив испуганные глаза на Марью Николаевну, - посмотрел, посмотрел и вдруг закашлялся, заплакал, закричал…

- Он у нас хваляит, - заметил мальчик и опять принялся его качать» (Слепцов, с. 402).

В конце концов Марья Николаевна решила оставить мужа и уехать в Петербург, начать новую жизнь. На этот выбор во многом повлиял Рязанов. С наступлением осени Рязанов решил уезжать куда-то на юг страны. С ним отправился сын дьячка, собираясь учиться в университете, хотя отец не одобрял выбор сына.

Критики, анализируя повесть В.А. Слепцова «Трудное время», отмечали такую особенность, как отсутствие финала произведения в духе тургеневских эпилогов. Это объясняется трудностью времени, когда в действительности финалы еще не определились.

Таким образом, В.А. Слепцов благодаря своему творчеству занял достойное место в русской литературе. Он сумел правдиво отобразить реальную действительность российского общества 60-х годов XIX века.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Слепцов В.А. Владимирка и Клязьма // В.А. Слепцов. Избранное. Вступит. статья и подстроч. примеч. М.Л. Семановой. М.: Худож. лит., 1979. С. 25 – 143.

2. Слепцов В.А. Письма об Осташкове: образец городского устройства в России // В.А. Слепцов. Избранное. Вступит. статья и подстроч. примеч. М.Л. Семановой. М.: Худож. лит., 1979. С. 144 – 252.

3. Слепцов В.А. Питомка. Деревенские сцены // В.А. Слепцов. Избранное. Вступит. статья и подстроч. примеч. М.Л. Семановой. М.: Худож. лит., 1979. С 253 – 266.

4. Слепцов В.А. Ночлег. Подгородные сцены // В.А. Слепцов. Избранное. Вступит. статья и подстроч. примеч. М.Л. Семановой. М.: Худож. лит., 1979. С. 266 – 280.

5. Слепцов В.А. Трудное время. Повесть // В.А. Слепцов. Избранное. Вступит. статья и подстроч. примеч. М.Л. Семановой. М.: Худож. лит., 1979. С. 281 – 431.

Рецензент:

П.Е. Царьков, канд. соц. наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

30 июня 2020 года.